

...И ПРЕМЬЕР ПОНЕВОЛЕ

Свердловская опера! Редко встретишь второй такой музыкальный театр, где положение, репутация, художественный вес балета и оперы разнились бы столь очевидно и сильно. Назовите наугад десяток наших самых прославленных вокалистов, и у доброй половины из них начало сценической биографии связано со Свердловском. Вокальные «звезды», правда, редко засиживаются в Свердловске, но удивительное дело — театр быстро и как будто легко находит им замену. Возможность в любом спектакле показать два-три первоклассных голоса при общей ровности и добротности ансамбля отличает оперную группу театра.

Но, как часто бывает, от чрезмерно усердной их эксплуатации достоинство незаметно переходит в свою противоположность. В репертуар довольно обильно проникают оперы весьма слабые в музыкальном отношении, но содержащие выигрышные вокальные партии. С другой же стороны, интерес к новым произведениям носит несколько формальный характер: создается впечатление, что современные оперы театр ставит больше по необходимости, чем по творческому устремлению.

«Джоконда» в сегодняшнем оперном театре, конечно, полнейший анахронизм. Трескучие мелодраматические эффекты ее в наши дни способны вызвать лишь улыбку. Однако не слишком самостоятельная, но горячая и напористая музыка А. Понкиелли еще может где-то увлечь. Свердловчане, надо сказать, сделали многое, чтобы облагородить уж чересчур «злые» страсти оперы, и во многом преуспели: крикливый пафос отступил в спектакле перед по-итальянски певучей и красивой мелодикой, на очень хорошем уровне воплощенной уральскими певцами.

Последняя оперная новинка — «Оптимистическая трагедия» А. Холминова идет у свердловчан «вторым экраном». Произведение требует особого анализа, но уже сейчас можно определенно сказать, что спектакль не стал событием, и все проблемы современной советской оперы после него так и остались проблемами.

Зато там, где театр «в своем репертуаре», он показал искусство действия высокого класса. Разумеется, невозможно даже отдаленно сопоставлять «Богему» Пуччини и гениальную музыкальную драму Мусоргского «Хованщину», но, как ни странно, в одном смысле они близки: постановка и той, и другой для театра всегда трудное испытание — «Богема» своей запетостью, «Хованщина» своей бездонной глубиной. Свердловский театр вышел из этого испытания с честью. Я, например, на нашей сцене еще не видел такого искреннего, чистого, такого подкупающе правдивого спектакля «Богема», какой представили режиссер Г. Миллер, дирижер Е. Манаев и ансамбль молодых певцов Масштабностью, трагедийным размахом привлекает режиссура М. Минского и работа дирижера В. Горелика в «Хованщине». В двух этих постановках ключевые позиции заняла молодежь — С. Федосова, Р. Скрипкин, В. Анисимов, Н. Гольщев, И. Щетинин, В. Куприс — все они довольно дружно подтвердили, что свердловской опере и сегодня талантов не занимать.

Иное дело — балет. Вот ему — занимать. Причем, в самом прямом смысле слова: буквально накануне гастролей «вдруг» выяснилось, что в театре некому танцевать классику, и пришлось на время срочно пригласить

из Киева В. Круглова. Имеющийся же исполнитель ведущих партий — премьер по необходимости Н. Ильченко не лишен способностей, но отсутствие серьезной профессиональной подготовки и, по-видимому, сугубо индивидуальные представления о режиме балетного актера приводят к тому, что классический танец искажается у него самым нещадным образом, а отдельные движения выглядят просто пародийно. Там, где пантомимно-игровой элемент превагирует в образе — Хулиган («Барышня и Хулиган»), отчасти Пер Гюнт (кстати, постановка Е. Дорофеева, пожалуй, лучший сценический вариант на тему драмы Ибсена), — там эти недостатки еще кое-как удается скрыть. В образах же крупных, как Спартак, они производят прямо разрушительное действие.

Для постановщика спектакля «Спартак» Е. Чанги важна не история как таковая, а ее живой дух, воплощенный в мощных, одержимых страстями характерах. Спектакль строится на обобщенно-поэтических канонах классического танца. И надо сказать, что труппа в целом очень чутко уловила стиль и мысль постановщика. Затаенной печали, пугливой грации полны танцы жены Спартака Фригии (Е. Гускина). Эгина — Н. Меновщикова... Все, кто знают эту прекрасную лирическую балерину, были немало поражены, увидев ее в роли жестокой и неотразимой куртизанки. Но Меновщикова блестяще доказала, что даже те, кто знает ее, знают ее далеко не достаточно — образ Эгины вылеплен ею с той художественной завершенностью и глубиной, которые не каждый день встретишь на балетной сцене. И вот в этом-то ансамбле решающее звено оказалось прорванным. Пластика Н. Ильченко — Спартака статична и невыразительна, танцевальный лексикон ограничен всего несколькими движениями. «Спартак» в Свердловске еще ждет своего Спартака.

Значительная часть балетного гастрольного репертуара, в том числе и «Спартак», перенесены из других театров. Собственно, в этом не было бы ничего плохого, кабы переносилось действительно лучшее. Но тут свердловчане далеко не всегда на высоте. Если «Барышня и Хулиган» — дань всеильной моде, то, к примеру, «Франческа да Римини» — просто ошибка, ибо спектакль режиссера А. Чичинадзе в очевидном противоречии с идеей и формой симфонической фантазии Чайковского.

И, наконец, особый разговор — «Лебединое озеро». В течение нескольких лет свердловчане видели этот балет в грубо искаженной, антимзыкальной постановке. Сейчас театр решил не искушать судьбу и честно воплотить одну из канонических редакций и, на мой взгляд, поступил совершенно правильно. Именно в «Лебедином озере», тщательно и музыкально поставленном С. Ивановой в хореографической версии Большого театра, профессиональные возможности и достижения труппы последнего времени сказались особенно очевидно. В труппе появилась большая группа одаренной молодежи — Е. Гускина, А. Лаврик, Т. Филатова, Л. Дикая, Г. Платонов, В. Геккер. Одним словом, если театру удастся быстро и кардинально решить проблему ведущих танцовщиков, разговоры о перманентном отставании свердловского балета прекратятся сами собой. Московские гастролы сделали в этом направлении первый и основательный шаг.

А. ДЯКОНОВ.